

Заимка.

«Горняшкой»* пронеслась над Байкалом революция. Старая власть уходила, огрызаясь белыми мятежами, разбойничьими ватагами, рыскавшими по тайге. С трудом устраивалась на местах власть новая. Странной она казалась простым людям. До её прихода жили таёжники свободно. Пусть по закону, пусть небогато, но свободно.

- Ежели голова на плечах есть, да руки оттуда, откуда нужно растут – в тайге с голоду не помрёшь! – любили говорить старики. И действительно, зверь, да рыба всегда выручали. Многие русские скот держали. Да не одну коровёнку, а по две-три! Детишек, как везде тогда в деревнях много было. Вырастали и становились помощниками по хозяйству, что отцу, что матери.

Вот и утулицкие**, не сказать, чтобы богато жили, а кусок свой всегда имели. Теперь же всё было совсем иначе. Из нескольких самых идейно бедных сельчан, коими оказались, как и следовало ожидать, лентяи и пьяницы, новая власть выбрала Комитет бедноты. Он и стал той последней инстанцией, которая решала судьбы людей. А порой калечила и ломала их, вешая ярлыки врагов Советской власти направо и налево.

Первым досталось соседям Георгия Петровича и Марии Фёдоровны. Игнат и Анна имели двенадцать душ детей, большой бревенчатый пятистенки, хлев с четырьмя коровками и одним бычком, да огород обширный сразу на задах дома. Хозяин охотником слыл отличным. Не ленились. Работали от зари до зари. Нанимали работников только в самую жаркую пору, когда своих рук не хватало. Да и то одного-двух.

Вот схлестнулся как-то у своего дома Игнат с сельским пьянчужкой Фролом.

- Ты какие деньги от меня хочешь получить, Фрол? Мы о чём с тобой сговаривались? Покос, что я тебе поручил, должен был от сих до сих прокошен! Ты пьяный полдня в стогу проспал, кое-как треть обещанного выкосил, а деньги за всё требуешь! По работе и оплата. Вот тебе заработанное и ступай себе с богом!

Вокруг них стал собираться народ. Многие посмеивались, глядя на высокого, худого, с клокастой бородой, красными и злыми от непохмелья глазами, всего растрёпанного и помятого Фрола. А он, заплетающимся языком, стал в ответ говорить о справедливости, о том, что его, больного человека, сначала заставляют работать от зари до зари, а потом ещё и унижаться прилюдно, пытаясь забрать справедливо заработанное.

- Чем это ты болен, Фрол? Бутылка - твоя болезнь, и лень несусветная! – почувствовав поддержку окружающих, усмехнувшись, ответил Игнат.

Фрол аж затрясся от негодования.

- Вот все увидите, все, как Господь этого..., этого..., - он не мог подобрать подходящих к случаю бранных слов, - накажет! Попомните мои слова!

И Фрол нетвёрдой походкой двинулся в сторону станции. Не иначе, как за новой бутылкой.

Вот он-то и несколько таких же как он «пролетариев» и стали хозяйничать в селе после прихода новой власти.

*«Горняшка» («Горная») – ветер ураганной силы на Байкале.

**Утулик – село на берегу Байкала.

И первым делом Фрол решил отомстить за прилюдные унижения своему обидчику.

Вызвал он его в избу, где заседал Комитет бедноты.

- Нам власть, как настоящим пролетариям, право дала справедливый суд над всякими иксплататорами и мироедами вершить! А ты кто такой есть? Кровопийца! Кровушки народной сколько попил! Забогател на страданиях народных!

- Это ж на чьих страданиях я разбогател? Никто через меня не страдал! Разве что ты, да и то от того, что я тебе денег на опохмел не дал! – покачал головой Игнат.

- И это тебе, мироеду, зачтётся! – окрысился Фрол, сжав кулаки. – В общем так. Вот тебе наше, пролетарской власти, решение. Выселяем мы тебя из села. А имущество твоё реквизируем в пользу бедноты!

- Ну ты и гад, Фрол. Мы же сами пашем, спины не разгибая, от зари до зари! Ты же детей наших и нас без куска хлеба оставить хочешь! Мстить мне, значит, за справедливость мою решил?

- Ну-ка замолчи давай! А то я не посмотрю, что ты как есть односельчанин мой и быстро кому надо знать дам, что контрреволюцией занимаешься. С такими знаешь, что бывает? К стенке и вся недолга! А вопрос о выселении твоей семьи из села уже решённый и в самых высоких инстанциях утверждённый!

Игнат только головой покачал.

- Одно мне интересно, где вы, «пролетарии», так гладко говорить научились? Не просыхаете же целыми днями! – плюнул он и вышел из избы.

На следующее утро трое красноармейцев, прибывших, судя по всему, из Слюдянки*, с ружьями и примкнутыми штыками посадили семью Игната на две, запряжённые игнатовскими же лошадками, телеги и отвезли за десять вёрст в лес, на заброшенную заимку, где стояла маленькая летняя полуразвалившаяся избушка. Имущество же «идейные пролетарии» быстренько стали растаскивать по своим хатам, продавать в Слюдянке и беспробудно пьянствовать.

Через две недели, кто уж донёс, неизвестно, нагрянул в Утулик какой-то большой начальник во главе конного отряда. Был он молод, крепок и широкоплеч. Фуражка, старая, безупречно чистая, хоть и выдавшая виды, гимнастёрка, такие же галифе и начищенные сапоги сидели на нем, как будто в них он и родился. На боку в деревянной кобуре висел чёрный маузер. Цепким взглядом своих водянисто-голубых глаз он смотрел на испуганно выскочивших ему навстречу из избы на нетвёрдых после очередной гулянки ногах членов Комбеда. Соскочив с коня, он, не говоря ни слова, вошёл в избу. Следом за ним бросились утуликские «пролетарии». Разговор, судя по всему, вышел действенный.

После его приезда все конфискованные и ещё непропитые вещи сгрузили на подводы и увезли в Слюдянку, а дом Игната опечатали.

На какое-то время в селе стало тихо. Но мучимые жаждой комбедовцы недолго думали, где же найти средство для утоления этой самой жажды. Через месяц в их головах родилась, как им казалось, гениальная мысль. Коли уж в селе проводить реквизиции становилось делом

**Слюдянка – крупный железнодорожный посёлок в 30 км. от села Утулик.*

небезопасным, то почему бы не провести обыск у сосланного на заимку Игната. Ведь наверняка

что-то сумел припрятать! Да и свидетелей не будет.

Сказано – сделано! Сели они на конфискованных ранее лошадей и к обеду того же дня были на месте. Ожидали увидеть похudevших, оборванных, истощённых до последней крайности людей, которые и сопротивления-то оказать не смогут. А как иначе? Ведь им кроме личных вещей, нехитрой утвари, да пары лопат и топора, ничего не оставили.

Решили подойти незаметно, чтобы использовать фактор неожиданности.

То, что комбедовцы увидели в действительности, повергло их в шок.

На краю поляны стоял небольшой добротный бревенчатый дом. Рядом с ним был разбит огород. На дровнице висело несколько звериных шкур. Хозяин с двумя старшими сыновьями рубили дрова. Остальная семья трудилась в огороде. Были они здоровы и явно в хорошем расположении духа.

- Вот же стервец! – прошипел Фрол. – Ну, ничего, обустроился, значит? И Советская власть тебе нипочём!

Стараясь не попадаться никому на глаза, комбедовцы развернули лошадей и галопом поскакали обратно в село.

На следующее утро в Утулик нагрянул целый отряд конных красноармейцев во главе с уже известным сельчанам командиром с маузером на боку. Вот тогда они и услышали первый раз слово «ЧК». Отряд, ведомый Фролом, ушёл в лес.

Вечером Комбед в полном составе, после долгого вынужденного перерыва «гулял».

Что послужило причиной столь громкого веселья, стало известно позже.

ЧК арестовало Игната и всех членов его семьи. После этого конвоировало их в Слюдянку. Несколько недель они провели в местной тюрьме. Оттуда, по решению органов, как злостные кулаки, не желающие примирения с Советской властью, были пересажены в столыпинский вагон и с несколькими десятками таких же несчастных отправлены куда-то в ссылку в Казахские степи. По дороге, от невзгод и голода, все они заболели. По слухам, дошедшим до односельчан, никто из семьи Игната так и не доехал до места назначения.

- Жалко, какой хороший человек был! И семью жалко. Детишек-то за что? Царствие им небесное! – покачивая головой, с неподдельной грустью в голосе, сказал Георгий Петрович, когда кто-то из утуликских, повстречав его на улице, сообщил эту весть.

Вдруг говоривший изменился в лице и, пряча глаза и быстро попрощавшись, пошёл по улице.

Георгий Петрович обернулся и увидел в нескольких шагах от себя вышедшего с соседней улицы и очевидно подслушивавшего их разговор Фрола.

- Георгий, ты, я вижу, жалеешь кулака этого и семью его? Ой, смотри у меня, я, в отличие от тебя, гимназиев не кончал и лесником при царском режиме не работал. Гляди у меня, ежели что, следующим нумером за Игнатом пойдёшь! – зло процедил Фрол и быстро пошёл прочь.

После этого разговора Георгий Петрович решил, что лучше, от греха подальше, уехать из Утулика. А то не ровён час и вправду припомнят ему и гимназическое образование, и Благодарность за беспорочную службу, от начальства ещё при царе-батюшке полученную.

Посидели они с Марией Фёдоровной и решили вместе с детьми, Василием и младшенькой Валенькой, в Тунку перебраться. Там знакомые работу обещали. Да и спокойней там как-то.

Но видно, есть высшая справедливость! Хоть и срабатывает она порой слишком поздно.

Через полгода за самоуправство, моральное разложение и систематическое воровство был арестован Фрол. Затравленным взглядом смотрел он на прибывших чекистов. Посадили они его на телегу. Сели, один рядом, а другой – за вожжи и покатали в сторону Слюдянки. Что интересно, и телега и лошадь когда-то принадлежали Игнату.